

ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ

Основной автор: *Л.Л. Любимов**,
профессор, заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ

Осмысленные и глубокие изменения в образовании всегда меняли качество населения и общества, экономики и культуры соответствующих стран, матрицу их развития, в том числе – человеческого. Так было в Германии Отто фон Бисмарка. В скандинавских странах периода становления государства благосостояния. В России после реформ 70-х гг. XIX столетия, приведших к беспрецедентному экономическому росту и интеллектуально-культурному взрыву Серебряного Века, и после 30-х – 50-х годов советского XX века. В послевоенных Японии, Австралии, Сингапуре, Южной Корее, наконец, в Китае.

Сегодняшняя Россия – страна с расколотым обществом, неэффективными механизмами рынка, постоянно снижающимся качеством социальной жизни, уникальным уровнем внутреннего недоверия и социальной атомизации, что исключает достижение ценностного консенсуса. Такая ситуация требует кардинальных мер исторического масштаба, направленных на глубокие изменения качества самого общества, населения в целом.

Прошедшее 20-летие не улучшило ситуацию, скорее наоборот. Нарастал политический раскол, усугублялась коррупция, укреплялись настроения иждивенчества (теперь уже и у молодежи), снижался общий уровень профессионализма, а значительная часть интеллигенции все глубже впадала в грех изоляционистской гордыни. Не стоит уповать на то, что значительная часть нашего населения может стать творцами модернизации, справиться с множющимися вызовами. Это бессмысленно. Пришла пора взяться за задачу формирования новых поколений, людей, обладающих качествами, которые откроют путь и модернизациям и ответам на любые вызовы.

* Автор благодарит экспертов, участвовавших в обсуждении предыдущих вариантов этого доклада, участников ситуационного анализа «Образовательная система России: состояние, роль и контуры изменений», состоявшегося 6 апреля 2013 г., авторов работ, которые он использовал при его подготовке, а также рабочей группе Стратегии-2020 по образованию.

Особую благодарность автор выражает Архангельскому А.Н. – заместителю главного редактора, редакции информационного вещания ГТРК «Культура», профессору факультета медиакоммуникаций НИУ ВШЭ; Асмолову А.Г. – директору Федерального института развития образования; Геворкян Е.Н. – проректору МГПУ; Кирабаеву Н.С. – проректору РУДН; Кнорре Б.К. – доценту кафедры истории философии НИУ ВШЭ; Макаровой В.Н. – профессору кафедры теории и технологий дошкольного образования ОГУ; Мокринскому М.Г. – начальнику Центрального окружного управления образования Департамента образования г. Москвы; Низиенко Е.Л. – начальнику Департамента общего образования Минобрнауки; Никонову В.А. – председателю Комитета Государственной Думы Федерального Собрания РФ по образованию, исполнительному директору Правления Фонда «Русский мир», декану факультета Государственного и муниципального управления МГУ им М.В.Ломоносова; Осипову А.А. – председателю комитета образования Новгородской области, Силиной Л.В. – директору гимназии №1595; Тихонову М.Ю. – первому заместителю руководителя Департамента образования г. Москвы; Чаплыгину Ю.А. – член-корр. РАН, ректору МИЭТ; Шадрикову В.Д. – директору Института содержания образования, научному руководителю факультета психологии НИУ ВШЭ; Шнейдеру М.Я. – директору гимназии №45.

Автор благодарит руководителя Программы СВОП «Стратегия XXI» Караганова С.А. за руководство ситуационным анализом и помощь в редактировании окончательного варианта текста.

Автор благодарит также координатора рабочей группы по образованию программы СВОП «Стратегия XXI» Лихачеву А.Б. за ее эффективную помощь и благожелательную критику.

Введение

Опыт существования России в форме советского патерналистского государства, усугубленный ранними рыночными деформациями 1990-х и социальной апатией «нулевых», привел к тому, что в общественном сознании снизился статус ключевых ценностей развития: солидарности, доверия, личной ответственности, устремленности в будущее. Без них не работают никакие экономические стратегии. Главным национальным проектом, российской идеей должно стать изменение самого общества и самого человека. Двадцать лет Россия ими не занималась. Думали, что получится само по себе. Не получилось. Общество, и прежде далекое от идеала, по многим параметрам хуже, чем до начала реформ.

Мировой опыт дает ответ: общества менялись, напрямую работая с системой образования, и прежде всего со школой, которая была и остается единственным государственным институтом, через который проходит нация в целом. Отстроив гимназическую и университетскую систему и обручив их с утопией социального общества, Бисмарк из десятков враждующих стран смог создать нацию-государство с высочайшим чувством единой *германской* идентичности и гражданственности. Скандинавский замысел государства благосостояния духовно готовился в школах. Реформа российской школы в 70-е годы XIX века вывела Россию из николаевских интеллектуальных сумерек в Серебряный Век и к экономическому рывку. Примеры Японии в 1950–1960 гг., Сингапура и Южной Кореи в 1960–1980 гг., современного Китая еще более очевидны. Везде государство, действуя через школы, брало на себя роль двигателя, инвестора и спонсора. И добивалось успеха, если сохраняло целеустремленность и волевую настойчивость. Главное – преодолеть страх перед самой идеей реформирования образования, остановить тот «стон по всей Руси Великой», о котором говорил В.В. Путин. И не подменять системные реформы хаотическими «доводками» и усовершенствованиями.

Дееспособная стратегия развития России должна быть сфокусирована на долгосрочных проблемах воспроизводства качественного человека, гражданина, социального и человеческого капитала, отвечающего исторической задаче – обустроить Россию как страну, где людям хорошо вместе, человек человеку в радость. Ключи к решению этих проблем сосредоточены, в первую очередь, в пространстве образования, культуры, здравоохранения, экологии, демографии, единой исторической памяти. Но если медицина и чистая природа – это условия жизни, то образование – её социальное, интеллектуальное и духовное производство.

Историческое значение образования. Сдерживающие факторы и предпосылки роста

Можем ли мы поставить подобные задачи поистине исторического масштаба перед современной, реально существующей школой (где сохраняется мировое лидерство на уровне начальной ступени и налицо провал в среднем и особенно высшем звене) и университетом в его нынешнем межумочном состоянии? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны жесткий реализм, но и готовность видеть точки роста.

В новой социально-экономической системе начала 1990-х гг. школа получила определенный ресурс свободы от советских регламентаций, но лишилась материальной базы и кадровой подпитки. Поэтому на основе тех достижений отечественной педагогической науки, которым в советское время просто не давали ходу, удалось создать несколько тысяч лицеев, гимназий и «углубленок». Эти школы – подлинные центры наилучших практик. Почти все они авторские. Но на остальную массу школ авторов не нашлось, и они продолжали работать в советской трансляционной парадигме, в которой учитель произносит монологи, а ученик слушает, записывает, повторяет, зазубривает, но не обучается компетенциям самостоятельной учебной деятельности. Фактически в течение 1991–2013 гг. глубокая школьная реформа со сменой парадигмы подменялась отдельными многочисленными реформаторскими проектами. Они мало что меняли, скорее, подрывали сложившуюся десятилетиями социальную конструкцию школы.

В результате образовательная система воспроизводит социальный и человеческий капитал постоянно снижающегося качества – не только по уровню знаний, но и по духовным показателям. Ослаблено воспитательное начало, тем самым нейтрализуются любые усилия властей по модернизации общества и экономики. Служение заменяется услугами, доверительное отношение учитель/ученик – отношением продавец (услуг)/клиент. Вместо прав на равные возможности введена обязательность среднего образования. Место учительской корпорации в обществе исчезло, престиж еще более снизился, учитель замкнулся в себе, в лучшем случае в своей локальной среде.

Кроме того, общее образование стало функцией регионов, что привело к фрагментации единого образовательного пространства. Школа зависит не от заказа общества, а от индивидуальных приоритетов глав регионов, муниципалитетов (так, в Москве лужковский приоритет школам был еще более усилен С.С. Собяниным, а в Рязани, как почти везде, он был и остается в конце списка). Президент вынужден лично заниматься вопросами учительских и профессорских зарплат. Растет огромная социальная дифференциация внутри преподавательской когорты, вчера еще единой.

Положение усугубилось тем, что с начала 1990-х гг. государство фактически ушло из вузовской системы, предоставив возможность выживать самим. Академическая вседозволенность (отказ от исследовательских функций, падение уровня преподавательской компетентности, коррумпированность диссертационных советов, студенческий и профессорский плагиат и т.д.) стала массовым следствием этого ухода.

И в то же время *уже* сделан первый шаг в направлении выхода из тупика. Руководство страны приняло некоторые политические решения, позволяющие рассчитывать на успех – при условии твердости и системности в продолжении реформ. Главное из них – утвержденный в мае 2012 г. новый школьный Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС), принят вузовский ФГОС, конечно, новый закон «Об образовании». При всех его очевидных недостатках, бюрократическом безъязычии, непродуманности отдельных положений, ФГОС отвечает новой парадигме, основы которой принадлежат нашей науке и по которой уже десятилетиями работают школы стран, лидирующих в общем образовании.

Полноценное введение ФГОСа в короткие сроки невозможно, реально заработать он сможет после 2020 года. Причина проста – для полноценной реализации нужен другой переобученный учитель, другой директор, другой образовательный чиновник, другие учебники, другая система подготовки и переподготовки педагогических кадров и т.д. Но осуществление программы системной подготовки и переподготовки кадров позволит постепенно, шаг за шагом решать задачу глубокого изменения социального и человеческого капитала, общества в целом. Это откроет стране достойную историческую перспективу хотя бы к 2030–2035 году.

Предпосылки успеха

а) Упомянутая многотысячная когорта лицеев, гимназий, «углубленок» – мощная совокупность наилучших российских практик, не уступающих школам стран – лидеров общего образования. То есть внутри образовательной системы есть ресурс распространения уже существующих сложившихся практик, не нужно начинать с нуля, можно использовать имеющийся потенциал. И участие в таком распространении, активная его поддержка должна стать важнейшим критерием оценки успешности администраций регионов и муниципалитетов.

б) У сегодняшнего угнетенного состояния человеческого капитала образовательной системы есть конкретные социально-экономические и политические причины. Многие годы учителю все меньше давали, но все больше от него требовали. Долгие десятилетия дисбаланса создали инерцию профессионального сознания, консерватизм мышления, стереотипность, закостенелость действий и поведения. Но если известна причина, значит возможно ее целенаправленно устранять, создавая среду заботливого профессионального развития педагога и в обозримые исторические сроки раскрыть замороженный потенциал учительства. *Учительское сообщество во многом сохранило трудовую и профессиональную этику. Оно по-прежнему является действующим хранителем важнейших для российского общества ценностных установок. Учительская интеллигенция может стать важнейшим фактором развития страны и общества, поддержки власти.*

в) Педагогическая когорта сохранила ресурс восстановления. Начиная с приоритетного национального проекта «Образование», она демонстрирует адекватную реакцию на управляющие сигналы, способна на быструю отдачу в ответ на вложения. В тех регионах, где произошли серьезные изменения в потоке ресурсов для школы (особенно в росте учительской зарплаты), заметно поднялись баллы ЕГЭ поступающих в педвузы. В них идут уже не отстающие.

Школьное образование

УЧАСТНИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Условие успешных реформ – кадровый состав образовательного процесса. Учитель нового типа: не тот, кто отсиживает урок, не массовик-затейник, не узкий предметник, а настоящий эксперт, обладающий компетенциями создания новой организационной и академической культуры.

Идеальный учитель XXI века – обладатель магистерского диплома классического университета и сертификата полугодовой психолого-педагогической интернатуры. Поэтому подготовку педагогических кадров надо перемещать в классические университеты. А в педвузах готовить учителей для начальной школы – по-прежнему одной из сильнейших в мире. Немногочисленные сохраненные педвузы должны получить достаточные ресурсы для развития их в классические университеты. Пока этого не произошло, действующий состав российского учительства обязан проходить переподготовку, а затем и регулярное повышение квалификации не в профанирующих задачу Институтах повышения квалификации (их пора системно закрывать), а в классических университетах.

Директор и заместитель. Образовательный чиновник. В идеале школьный администратор – педагог и обладатель магистерского диплома «Управление учреждением общего образования», свидетельствующего о наличии знаний и компетенций по менеджменту, экономике, школьному маркетингу, образовательному праву и образовательной политике. Чиновник должен быть дипломированным специалистом в области общего образования, иначе он не справится с задачей, которую прямо ставит ФГОС: контролировать не процесс, а результаты деятельности школы, создавать условия для их достижения. Иначе мы не избавимся от дурной привычки топить живую инициативу в бумажном потоке отчетности.

Государству следует культивировать развитие таких магистерских программ в классических университетах, жестко контролируя их содержание и уровень преподавания – во избежание всеобщей имитации. Параллельно оно обязано заняться специальным обучением корпуса чиновников, открывая программы по типу МВА (МРА) в области общего образования.

Другие участники образовательного процесса. Главный из них – **родитель**. Мы никогда не пытались в массовом масштабе раскрыть потенциал родителей как участников образовательного процесса. Это мощный, но по-прежнему латентный ресурс, причем не только для становления новой школы, но для строительства гражданского общества в России. Родительская любовь к ребенку никогда не рассматривалась как фактор радикального улучшения и школы, и общества. Сейчас пришло время. Включение родителя в жизнь школы в качестве важнейшего партнера учителя и директора – задача не только социальная, но и политическая. Именно школа, реализуя ее, может социализировать родителей, включить их в «неличные» дела, в дела общества, сограждан. Известно много эффективных форм такого включения.

Идеал переобученных учителей, школьных администраторов и «включенных» родителей – единое школьное сообщество как общественно-культурный центр своего микрорайона, села. У школы возникает новая миссия, абсолютно необходимая нашему обществу – социализировать не только детей, но и включенных в жизнь школы взрослых.

СОДЕРЖАНИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Содержание – это учебные программы, материалы, обжитой и насыщенный позитивными возможностями интернет. В принципе, уже сейчас у школы есть формально закрепленная свобода и ответственность за содержание образования, но в нынешнем состоянии она самостоятельно не сможет воспользоваться первой и проявить вторую. Поэтому классические университеты должны оказывать ей максимальную помощь, получая соответствующее государственное задание.

В какой сфере нужна помощь? В гуманитарной.

*Программы гуманитарного цикла в школе следует существенно изменить; задачи, стоящие перед ними, имеют глобальное значение, далеко выходящее за рамки узкой предметности. От них напрямую зависит развитие личности. Первое из условий: *воспитать у ребенка способность познавать себя и переживать за Другого*. Это миссия литературы, в первую очередь, русской классики. А история продолжает работу, начатую словесностью и, даря чувство причастности к судьбе Отечества, включает в сопереживание исторического опыта других народов. Третье условие – *участие школьника в созидании собственного социального опыта*. Без всеобщей гуманитаризации школьной жизни и школьного знания этого не достичь.*

Если мы хотим развивать местный патриотизм в гармонической связке с патриотизмом общероссийским, к школьному курсу отечественной истории, единой для всех, нужны региональные приложения: *смоленское, рязанское, архангельское, казанское и т.д.* Не допуская противопоставления общероссийского пути – своему, особому, важно дать ребенку ощутить причастность к большому времени через вхождение в родное, близкое, свое. Пора заново выстроить учебные основы детского туризма – от походов по родной губернии до посещения Москвы и Петербурга. Только так мы закрепим в сознании цельный образ Родины, история которой не абстракция, а жизненное переживание, воплощенное в природе и архитектуре (см., в частности, главу Стратегии об исторической памяти в части преподавания истории, а также главу об экологической политике как инструменте возрождения патриотизма, любви к малой родине).

Дав ученику живое ощущение Отечества, насытив его рациональной энергией исторического самосознания, сможем сделать следующий шаг – связать историю развития России с историей Европы и Востока, включить школьника в мировой контекст. Соответственно и «Обществознание» в 5–9 классах (1 урок в неделю) нужно замкнуть на историю развития российского общества (в экономической, политической, социальной, культурной и других сферах) как части мировой истории. В 10–11 классах программа обществознания должна обслуживать выбранные выпускниками индивидуальные предпочтения (усиленные модули по экономике или философии, политологии или праву и т.д.). *Нужно новое прочтение «Экономики» и «Права» – без них школьник не узнает о социальных ролях, которые ему придется играть уже в ближайшем будущем.*

Но не менее важно восстановить и поднять до отдельной предметной области творческие предметы «Искусства». Развитие креативности, формирование привязанности к Отчизне должны опереться на богатство русской культуры (В.В. Путин). Это остановит и, в конечном счете, способствует преодолению последствию экспансии массовой культуры.

Школьный учебник неизбежно изменит свое содержание и форму. Он лишится начетнической функции, перестанет излагать весь материал от «А» до «Я», обязывая заучить единственно правильные формулы; *учебник – лишь навигатор по предмету*. Объем учебника, ныне навязываемый санитарными правилами и нормами, чего нет нигде в мире, должен зависеть лишь от содержательных задач; а главное – включать в себя обильные отсылки к интернет-ресурсам, на которых школьник может самостоятельно получить необходимую информацию. Ученик должен обучиться искусству навигации, которое будет основным условием его успеха во взрослой жизни: находить, отбирать, осваивать и наделять собственными смыслами информацию из широкого спектра источников. Соответственно, лишаются смысла нынешние формализованные ограничения для школы в выборе учебника; для его издания достаточно грифа «допущено», а единственный разумный критерий для получения грифа – соответствие мейнстриму мировой науки.

Но всеобщая гуманитаризация школьного образования, противостоящая сегодняшнему сокращению гуманитарной составляющей, не означает снижения статуса естественнонаучного цикла. Наоборот, связывая эту предметную область с более общими ценностями и сферой личностного идеала, мы придадим ей внутреннюю динамику и преодолеем опасную тенденцию. В последние 15 лет страна скатилась к неприемлемо низкому уровню школьной подготовки по естественнонаучным дисциплинам, а доля тех, кто выбирает ЕГЭ по физике, биологии и химии, упала до критического уровня. Необходимо ускоренное восстановление естественнонаучного обучения в школе, причем и здесь важнее всего – компетенции, а не начетническое накопление абстрактных сведений. И борьба с манипулятивным, имитационным механизмом контроля знаний, запрограммированным на выдачу ничем не обеспеченного аттестата.

Ставя так задачу, на втором или третьем шаге мы придем к необходимости *поставить планку получения аттестата по ЕГЭ на уровне не ниже 40*. Тех же, кто её не выполнит, наделять справкой о прохождении программы общего образования.

Нужно создавать культуру независимой оценки деятельности всех субъектов школьного процесса – учителя, ученика, директора. Культуру публичной ответственности. Технологии ее создания уже успешно апробированы во многих школах. Зачастую это регулярные экзамены по всем предметам.

Не позднее конца 2015 г. *необходима масштабная ревизия всего школьного учебно-методического хозяйства, всех учебных материалов*. Они должны не только содержать информацию, но и обеспечивать ее усвоение (превращение в знания) через разнообразие упражнений и кейсов. Не ограничивать информацию, а открывать школьнику двери в любые ее «хранилища». *Школьника нужно обучать конструированию собственного знания из находимого им самостоятельно материала*.

Наконец, гражданина формируют не монологи учителя, а ежедневная ответственность, обязанности школьника в семье, в подъезде, во дворе, в классе, в школе, в микрорайоне. Все это может организовывать школа вместе с родителями. Повзрослев, он «шагнет» в Отечество как гражданин, а не иждивенец, как патриот России, а не временно в ней прописанный, но и как равноправный участник общемировых процессов.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Оплата труда работников школы. Огромные региональные различия в оплате труда учителя – не просто тормоз модернизации школы, а основное условие её деградации. Стягивание в Москву тысяч учителей из областей ЦФО из-за многократной разницы в оплате труда ставит крест на перспективах изменения к лучшему в этих регионах. Необходимо решать вопрос о выравнивании оплаты труда учителей на всем пространстве России. Это будет первым принципиально верным шагом в радикальном перераспределении народных ресурсов в спасительном для нашей страны направлении. Необходимы постоянные инвестиции в кадры общего образования, в их предметные и технологические компетенции.

Кратко перечислим другие условия, без которых шаг вперед не состоится. Везде одностороннее обучение. Везде достаточные помещения для дополнительного образования (ДПО), физкультуры и спорта. Высокая культура безопасности школьной жизни. Продвинутый эстетический дизайн зданий и территорий. Выравнивание состояния дел с оборудованием школ по всей стране (по столичному уровню). Разработка госстандарта школьного спортивного хозяйства и наделение им каждой школы (в первую очередь в провинции). Эти спортивные сооружения могут быть использованы в свободное время и другими жителями (фитнес-центр в каждом микрорайоне, селе).

Инвестиции в творческие виды деятельности школьника: художественные студии, наборы музыкальных инструментов, кино-, видео- и аудиотехника и т.д. в каждой школе (в первую очередь в провинции). Создание полных школьных библиотек: не только учебная, но и художественная, научная, справочная литература. Создание библиотек с открытым доступом. И самое существенное – решение проблемы с цифровыми правами на современную и переводную литературу, познавательные книги, дополнительные материалы. Выделение школе средств на закупку приспособлений, прежде всего ридеров с магнитными чернилами, как наименее вредных для глаз. И, разумеется, полномасштабное включение в принятие решений родительских сообществ (в каждом классе), управляющих советов.

В противном случае под угрозой не только школа, но и высшее профессиональное образование. В вузы идет абитуриент, не способный воспринять современное научное знание, не умеющий учиться сам, только записывающий и зазубривающий.

Высшее профессиональное образование (ВПО)

Проблемы ВПО. Главная – снижающееся качество и чрезмерная массовость. Об одной из причин (уход государства из вузов) сказано выше, другая связана с иллюзией, будто лучше передержать в вузе избыток молодых кадров, для которых нет места на рынке труда. Такой подход возник в 1990-е гг., когда существовала угроза массовой безработицы, но не изменился и в XXI веке, несмотря на растущий дефицит рабочей силы. В результате произошла *науперизация профессуры, а в ВПО пришли миллионы тех, кто не готов к реальному освоению соответствующих программ.* Возникавшее напряжение купировалось за счет все более угрожающего снижения качества обучения, упрощения программ и технологий, плагиата. НИРы в вузах фактически исчезли.

Третья причина – ажиотажный спрос на весь спектр наук об обществе, возникший после краха СССР. Но, увы, таких наук в советской России почти не было. Огромный запрос удовлетворялся имитационными массовыми образовательными программами. Ярким примером самообмана было появление в кратчайшие сроки более чем 300 факультетов психологии (в РСФСР их было всего 3). ВАК начал штамповать кандидатов и докторов с диссертациями на уровне курсовых студенческих работ; особенно остро профанация ощущается в сфере экономики, социологии, педагогики, психологии.

Указанные причины привели к еще более тяжелой четвертой причине - *катастрофическому провалу университетского этоса – совокупности норм, принципов, убеждений, ценностных установок, правил, добровольно принятых профессурой.* Университеты, в которых он отсутствует – это не Храмы, а их профессура – не Академия.

Ситуацию нужно радикально менять, доверив её российским профессионалам, но обязательно подкрепив их усилия поддержкой коллег из ведущих зарубежных университетов. Также следует ввести практику и внедрять культуру независимой внешней оценки деятельности наших вузов иностранными профессорами. В западной, а теперь и восточной университетских системах это обычная рутинная практика.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВПО

К настоящему времени проблемы организации системы ВПО в мире разработаны достаточно глубоко. Сохранив универсальные черты концепции В. Гумбольдта и Дж. Г. Ньюмена, она подверглась ревизии во многих отношениях, как по причине массового распространения ВПО, так и в связи с глубокими изменениями требований общества к университетам.

В советской России система вузов сильно отличалась и от модели Гумбольдта, и от успешных практик многих стран Запада. Прежде всего вузовская система всегда была третьестепенным игроком в сфере национальных НИОКР. Главенствовали учреждения ВПК и ведомств, АН СССР вносила вклад лишь в часть (не более четверти) фундаментальных исследований (не более 3% всех НИОКР в СССР). Вузам доставалось нечто остаточное. Тем более что совмещать 750 часов годовой учебной нагрузки и исследования удавалось

немногим. Для западного и современного восточного профессора исследования – образ жизни, а учебное дело – ключевое приложение к нему. У нас все было наоборот.

Сегодня, после потери ведомствами и ВПК ведущей роли в НИОКР и деградации РАН, общество и власти начали считать основным двигателем НИОКР вузы. Это важный, но пока лишь теоретический поворот к универсальной модели. В отношении вузов как образовательных институтов поворот во многом произошел (двухступенчатая система, кредиты, рейтинги и другие элементы Болонской системы). Но, к сожалению, не во всем; целостность прежней системы утрачена, новой – не достигнута. В отношении НИОКР положение дел в вузах стало хуже, и роль двигателей они в большинстве случаев не выполняют. *Возрождение вузов – прежде всего воссоздание важнейшего компонента традиционной миссии университетов, т.е. НИР. Без этого любой вуз – лишь образовательная оболочка.*

Современный мир требует от университетов, чтобы те вносили решающий вклад в местную (региональную) экономику, а также в развитие местного общества. Как правило, госуниверситеты США финансируются штатами и ориентированы на вклад там. Регионализация университетского прикладного предназначения стала доминирующей практикой и в Европе. Это происходило в Южной Корее, сейчас осуществляется в Китае.

Так было и в советское время. Но сегодня абсолютное большинство вузов находятся в федеральном подчинении, отсоединены от властей регионов, их экономики. Это удобно ректорскому корпусу, все менее связанному с университетским этосом. Ректор провинциального вуза фактически ни перед кем не несет ответственности. Поэтому в ректора потянулись чиновники. Ректорские места передаются по наследству, как вотчины. Скрытая от университетской профессуры зарплата ректора давно не отличается от доходов вице-президентов крупнейших и президентов средних банков. А зарплата профессора часто ниже учительской.

Вузы федерального подчинения, расположенные в регионах, нужно возвращать в местную юрисдикцию, подчинять региональным властям, сохраняя их общенациональный статус. Здесь лучше видно, кого и для чего готовить. Финансовые и другие ресурсы для этих вузов передаются в регионы. Ректоры должны публиковать свои ежегодные налоговые декларации.

Рособрнадзор следует подчинить Правительству, сделав абсолютно независимым от Министерства образования и науки. Полезно ввести закон об административном преследовании депутатов, губернаторов и других VIP'ов, пытающихся лоббировать чьи-то вузовские интересы в Рособрнадзоре.

Идею национального мониторинга вузов нужно довести до конца и проводить его регулярно, привлекая профессионалов из других стран, чтобы категорически изменить историческую традицию России – поручать проведение реформ их противникам. Критерии оценки вузов должны быть только качественными и совпадать с зарубежными аналогами. В любом случае мониторинг вузов не должен проводиться под наблюдением и с участием «ведущих вузов России» – статус, который не расшифровывается. Мониторинг «объекта» не должен проводиться непонятно как выделенной частью его самого.

Придание ВПО массового характера, сопоставимое с США и Европой, России приносит только вред. Наша реальная планка пока чуть ниже Бразилии (там же находится и наша экономика), т.е. не более 25% от каждой когорты молодежи. В Китае, где осуществляются гигантские вливания в образование, все ВПО – платное. Ни экономике, ни обществу более значительная доля пока не нужна. Она лишь провоцирует дальнейшую имитацию и деградацию ВПО. Да и качественных кадров для обучения в ВПО нынешних 80% (!) молодежи у нас нет, есть лишь для 25%. Но, сокращая бюджетные места до уровня, на котором можно удерживать и повышать качество ВПО, ни в коем случае нельзя подвергнуть дискриминации провинцию. Её интересы приоритетны.

Однако массовое распространение высшего образования уже случилось и исторически необратимо. Его необходимо принять и найти решения, не допускающее имитацию. В западных странах это часть образа жизни новых поколений, универсальная установка и, следовательно, ценность. Закономерно, что потребности элиты постепенно проникают «вниз», к более массовым слоям вплоть «до дна». Такой процесс идет тысячелетия. В XX веке он сделал всеобщим потребительским благом среднее образование. Теперь пришел черед университетского. Образ жизни с «университетским значком» уже стал актуальным символом преуспевания.

Поскольку аутентичное университетское образование способны усвоить не более 25% молодежи, полезно задуматься о послешкольных образовательных программах «со значком» для массы. Т.е. об университетских программах, сокращенных сознательно (а не в результате тотальной имитации качества, как сейчас) до образовательного потенциала массового абитуриента, но совместимых с требованиями значительного числа профессий.

Примеры – подготовка бухгалтера, соцработника, менеджера продаж, работников гостиничных фирм и т.д. Для достижения нормальной квалификации в таких профессиях не нужны ни полный бакалавриат, ни тем более магистратура, т.е. 4+2 года обучения. А достаточно двух или трех лет (таких программ полно в университетах Европы, Азии, Америки, Австралии и т.д. – они выбирают *work-focused degrees*, т.е. дипломы «к месту работы»), но встроены в вузовскую иерархию ступеней и дающих право на «значок». Осмысление этого подхода важно в России еще и потому, что престиж ВПО и среднего специального образования (СПО) уже очень трудно восстановить. Возможно, что эти два института в принципе изжили себя. Масса, поддерживаемая родителями, рвется к «значку», получая имитацию бакалавриата и магистратуры. *Идея «прикладного бакалавриата», вооруженная специальными ФГОС, перечнем профессий и примерными программами, – вариант такого подхода. Она может решать и проблему формирования социального капитала общества, и человеческого капитала для многих видов профессиональной деятельности, не требующих глубоких академических знаний и компетенций.* Прикладной бакалавриат способен исключить преподавание теоретического ядра программ, оставив только прикладные дисциплины.

Следует рассмотреть деление университетов на исследовательские и обучающие. Первые создают новое знание и профессиональную элиту, вторые только транслируют существующее знание массовому студенту. Первые конкурируют на глобальном уровне и мощно поддерживаются государством. Вторые ориентированы на локальный и региональный уровень.

*Необходимо радикально пересмотреть работу ВАК, его персональный состав, а также весь механизм подготовки кадров высшей квалификации. Аспирантура в СССР и России фактически была лишена и остается без «докторской» (аспирантской) образовательной программы. Во многих лучших западных и восточных университетах это двухлетняя программа, на качественную содержательную ступень выше магистерской, она сопровождается двумя десятками серьезных экзаменов и завершается получением диплома *M. Phil* (магистр философии). Программа обеспечивается профессурой из международного пула ученых высшего ранга, а не только из числа профессоров данного университета. У нас «кандидатские» экзамены – попытка аспирантов вспомнить, чему их учили в магистратуре или специалитете. Из трех таких экзаменов – лишь один по специальности. Второй – по философии, знания которой у соискателей почти на сто процентов отсутствуют, но им ставят положительные отметки только для того, чтобы поддержать «занятость» и престиж вузовских философов. А третий – по иностранному языку – сдается в отечественном щадящем «формате» (примерно как по философии), вместо того, чтобы соискатель предъявил международный сертификат по иностранному языку (*TOEFL* на аспирантском уровне, как происходит в передовых университетах). Никто не может стать и считаться профессионалом с университетским образованием, не владея свободно нынешним *lingva franca* (универсальным языком) – английским.*

На Западе и в новом поколении азиатских университетов написание диссертации отводится три года, «разбавленные» тремя модулями педагогической деятельности как в бакалавриате, так и в магистратуре. Процедуры предельно жесткие и индивидуализированные. Успешно прошедший их – реальный доктор (*Ph.D.*), а не имитатор степени. У нас же доверие к дипломам кандидатов и докторов наук стремится к нулю. Но ВАК жив и теперь изображает реформирование.

Необходима постепенная, но требовательная переаттестация решений о присуждении ученых степеней всем, кто прошел ВАК в последние 20 лет по специальностям «Экономика», «Право», «Психология», «Социология», «Педагогика». Такой пересмотр особенно важен по работам, защищавшимся в «фабриках научных дипломов». Пересмотр этих десятков тысяч «трудов» – дело долгое и затратное. Но без очищения не возродить университетскую Академию и университетский этос, т.е. не восстановить саму гильдию университетской профессуры (и её ценности), которая определяет развитие человеческой мысли, техники и духа. Сохранение в университетском сообществе тысяч обладателей липовых дипломов кандидатов и докторов наук перечеркнет навсегда самую возможность качественных изменений в ВПО России.

Необходимо провести тщательный пересмотр структур факультетов и образовательных программ. Титул университета останется только у тех вузов, где ведутся фундаментальные научные исследования. В сельскохозяйственных, медицинских, технических, транспортных и т.д. учреждениях все непрофильные факультеты и программы закрываются (в этих вузах, как правило, подготовка профильных специалистов давно сведена к минимуму). Такие вузы принадлежат к сфере профессионального образования, т.е. по определению не УНИВЕРСИТЕТЫ.

Необходимо восстановить вузовские инженерные школы и к 2025–2030 гг. довести их до уровня ведущих в мире. Такие школы должны стать ядрами научно-промышленных кластеров в российских городах-центрах промышленного производства.

Нужно заново пересмотреть перечень направлений ВПО.

Все направления, которые соответствуют западному (т.е. универсальному для всего глобального университетского мира) определению «третичное» (*tertiary*) образование, следует вновь рассмотреть на предмет целесообразности в них второй ступени (магистерской). Необходим новый пересмотр всех специалитетов. Его нельзя доверять тем, кто лоббировал и лоббирует сохранение «перечневых» анахронизмов. Пересмотр – дело независимых профессионалов, лучше всего – зарубежных. Наконец, необходимо ввести жесткое различие бакалаврских и магистерских дипломов: *B.S.* (бакалавр наук), *B.A.* (бакалавр искусств) и *M.S.* (магистр наук), *M.A.* (магистр искусств). Магистерские программы, особенно с дипломами *M.S.*, останутся не более, чем в 25% вузов.

Нужна стратегия постепенного перехода к другой организационной культуре университетов. Интернет вне конкуренции как источник информации, профессор сохраняет монополию лишь на сверхновое знание, полученное им самим или его коллегами и на авторские методики исследования и преподавания. Устная трансляция накопленного знания во многом потеряла смысл, оно доступно каждому в любую минуту и повсеместно. Теперь профессор должен не читать лекции о накопленном знании, а учить студента тому, в чем он (профессор) действительно незаменим – компетенциям исследований, аналитики, конструированию собственного знания, поиску и решению проблемы, организации команд для изучения проблем и умению работать эффективно и бесконфликтно в таких командах. Идеал аудиторной недели студента – 8–10 часов. Остальное время – погружение в источники, упражнения, контрольные работы, исследования, поиск новых направлений и т.д. Постоянный фокус на е-коммуникацию студента и профессора, на е-обучение в целом.

Радикальных изменений требует социальное и профессиональное обустройство профессорско-преподавательского состава. Зарплату увеличить многократно (поможет сокращение числа вузовских программ и бюджетных мест). Профессора нуждаются в объединении, чтобы совместными усилиями контролировать ректораты, профессору следует наделить соответствующими правами. Особый вопрос связан с тяжелым советским наследством – имуществом университетов. Советская система в лучшем случае давала комнату кафедре и «чуланчик» для заведующего. Поэтому преподаватель приходил в вуз только на лекцию и семинар. Нужно, чтобы у каждого преподавателя был свой офис (комната плюс оргтехника), где он находился бы весь рабочий день. Тогда он может работать со студентом индивидуально. При каждой выпускающей кафедре необходима собственная лаборатория, где студента можно включить в исследования.

Исследования не станут главной миссией университетов до тех пор, пока учебная (аудиторная) нагрузка на преподавателя не сократится до 150–250 часов в год (сейчас втрое больше).

Парадигмально требуется разделить ВПО на высшее классическое (ВКО) и высшее профессиональное (ВПО) образование.

Если определять высшее образование так, как это делает мировое университетское сообщество, то нужно различать два типа высшего образования:

Либеральное ВО (*liberal higher education*). Это образование, которое не готовит к ремеслу, но развивает интеллект – исследовательские компетенции, когнитивное мышление, формирует сословие интеллектуальной элиты, исследователей, аналитиков, академических экспертов в классических науках, преподавателей, создает способность к дизайну интеллектуальных продуктов (конструкторской деятельности). По существу это классическое образование.

Профессиональное ВО (*vocational higher education*) – образование агронома, инженера-электрика, врача и т.д.

Без этого различия мы не можем ввести дипломы *B.S.* и *B.A.* для бакалавриата и *M.S.* и *M.A.* для магистратуры. А тогда сохранится нынешняя нелепость: магистерский диплом РЭШ останется равноправным с магистерским дипломом экономиста условной Нижегородской академии инженеров водного транспорта.

Вместе с тем, *категорию федеральных вузов нужно сохранить*, но их отбор должен опираться на качество сохранившегося потенциала – национального субстрата возрождения и развития – и на идею государственного назначения как задачу (политическое поручение) стать подлинно федеральным. А тогда нужно обозначить смысл такой категории – подготовка интеллектуальной академической и профессиональной элиты для всей страны в целом и для мегарегиона с особым планом развития. Требуется равное соотношение численности бакалавриата и магистратуры, пятилетняя аспирантура (докторантура международного образца), соответствующее финансирование НИР и мобильность профессуры и студентов.

Полезно и сохранение национальных исследовательских вузов (в составе федерального органа управления) как кандидатов в федеральные. Но и те, и другие должны регулярно (не реже чем раз в 3 года) переаттестовываться по жестким критериям независимой (в том числе зарубежной) экспертизы.

Наконец, всем вузам нужно ставить задачу вступления в соответствующие европейские и глобальные (в том числе узкопрофессиональные) ассоциации, аккредитационные институты. Участие в них следует рассматривать как важнейший критерий для любых форм их государственной аттестации или отказа в ней, для отбора в особые статусные группы. Интернационализация университетской жизни должна стать одним из её главных свойств. Коммуникация с мировой академической наукой – второй (после финансирования НИР) по значимости ресурс развития науки в университетах. Его тоже нужно существенно поддерживать финансовыми средствами.

Пожизненное образование

Все перечисленные шаги по восстановлению и развитию российской образовательной системы, возвращению ее в международный контекст и выводу на мировой уровень неосуществимы без полного и бескомпромиссного принятия **философии пожизненного образования**. Образование начинается не в школе и не заканчивается в университете; дошкольное детство может и должно стать временем «запуска» образовательных практик, а вся активная жизнь после вуза – пространством постоянного обучения, переобучения и самообучения.

ДОШКОЛЬНОЕ ДЕТСТВО

Закон 2012 г. «Об образовании» превратил, наконец, дошкольную фазу в полноценный образовательный уровень. Однако есть риск того, что чиновники и администраторы доложат о том, что всё уже сделано и готово, отвечает «целям и задачам». Между тем, мы в начале пути, особенно учитывая физическое опустошение дошкольного хозяйства в 1990-е годы. Уже сейчас видны массовое стремление превращения детсадов в школы, подмена социализации личности ребенка обучением «чтению», «счету» и даже «письму» вплоть до попыток конструировать ЕГЭ для дошкольников, сжатие время игры. Словом, первый и уже видимый риск – имитация бурной деятельности по созданию «уровня» образования.

Между тем дошкольное воспитание-образование – один из самых перспективных способов развития человеческого капитала, человеческой личности. Гигантское внимание уделяют этому в передовых странах Востока. В США стоимость обучения в элитных детсадах приближается к стоимости обучения в престижных университетах. Так готовят элиту, способную конкурировать и лидировать в мире будущего.

Нужна программа развития этого уровня образования на долгосрочную перспективу, социальное конструирование доктрины дошкольного детства «Детство ради детства!». При этом особенно важно учитывать культурно-деятельностную методологию образования (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин) и новые концепции разных отраслей «индустрии детства» (строительство, книгоиздание, анимация, кино, игры, детская одежда, питание и т.д.). Основа доктрины – политический детоцентризм как критерий для оценки любых управленческих решений в этой сфере. Нужно опереться на подход нобелевского лауреата Джеймса Хекмена о том, что окупаемость инвестиций в программы социализации в дошкольном детстве на порядок выше, чем от инвестиций в программы школьного и вузовского образования. Детсады – не только освобождение родителей для производства, но прежде всего формирование высококачественных россиян для будущего успеха страны.

Фундаментальным ядром **доктрины дошкольного образования** должна стать разработка представлений о стандарте дошкольного образования для поддержки разнообразия в детстве.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТАНДАРТ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ – это совокупность государственных гарантий и требований к программам, условиям и результатам получения бесплатного доступного качественного образования посредством:

- расширения возможностей развития личностного потенциала и способностей каждого ребенка дошкольного возраста;
- обеспечения условий здорового образа жизни и безопасности ребенка;
- минимизации рисков кризисов возрастного развития ребенка при переходе от дошкольного детства к начальной школе;
- приобщения детей через виды деятельности, соответствующие их индивидуально-возрастным особенностям, к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства; в том числе ранней и необратимой социализации детей иммигрантов;
- развития интереса и мотивации детей к познанию мира и творчеству;
- реализации вариативных образовательных программ, поддерживающих социокультурное разнообразие детства;
- разработка нормативов условий, обеспечивающих общую организацию содействия для детей и взрослых в дошкольном детстве;
- соблюдения прав ребенка, родителей и других участников образовательного процесса.

Доктрина дошкольного образования должна предполагать следующие проекты:

1. Демографический и социологический прогноз динамики развития различных возрастных когорт в условиях современной ситуации детства. Обоснование детоцентризма как приоритета государственной политики. Детство – потенциал социально-демографического и инновационного развития России.
2. Комплексный мониторинг портрета современного дошкольника с учетом роста разнообразия детских субкультур.
3. Управление рисками социализации дошкольного детства. Проектирование системы служб, обеспечивающих раннюю диагностику, профилактику и коррекцию рисков социализации детства, расширение служб медико-психологической, социально-психологической и психолого-педагогической поддержки; организация центров психолого-возрастного консультирования семьи и дошкольных учреждений; сети центров лечебной педагогики.
4. Дети в пространстве информационной социализации. Безопасный интернет. Развитие системы профессиональной экспертизы и оценки воздействий интернета, СМИ, компьютерных игр на развитие личности детей и их психологическое здоровье.
5. Социальная экология детства. Проектирование архитектуры и инфраструктуры детства как развивающих сред с учетом психолого-возрастных закономерностей и социальной периодизации детского развития.

6. Организационно-экономические и правовые аспекты дошкольного детства. Перспективы семейного образования и частно-государственного партнерства в дошкольном детстве.
7. Разработка профессионального стандарта педагога дошкольного образования и программ профессиональной и социальной компетентности управленческих и педагогических кадров в сфере дошкольного детства. Образовательный идеал педагога – магистр дошкольного обучения и воспитания.

ДЕТИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ (ОВР, ОВЗ)

Образовательный потенциал обучения (педагогической компенсации) и социализации для этой категории детей в России крайне неравномерен. Буквально от нуля до ста процентов. Советское наследие оставило нам всего несколько факультетов дефектологии в педвузах. Зато мы создали массовое высшее психологическое образование – в основном имитационное.

В большинстве регионов нет профессионально подготовленных (на полных университетских программах) дефектологов, логопедов, детских психологов, специалистов по коррекции. В огромной мере эту проблему нужно решать с очень низкого стартового уровня, создавая соответствующие факультеты в регионах, психолого-педагогические и иные коррекционные центры, развивая исследования и методики, производство необходимых технических средств (слуховых аппаратов и т.д.). Нужна мощная федеральная долгосрочная программа, спонсорский и мониторинговый центр которой уже создан в Совете Федерации под руководством В.И. Матвиенко.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Слом советской системы лишил работы миллионы людей. Но рынок быстро создавал миллионы новых рабочих мест. Однако квалификации потерявших «советскую» работу не соответствовали требованиям рынка. Возник массовый *skills mismatch* – компетентностно-квалификационное несоответствие. Система высшего профессионального образования нашла обычный для нее выход – массовую имитацию переподготовки. Тем более, что потерявшие квалификацию (или отказавшиеся от нее) предъявили спрос в основном на те же «Экономику», «Менеджмент», «Право» и т.д.

Едва ли не 80–90% вузов начали открывать программы вторых дипломов. Власти «помогли» процессу, введя платность получения второго диплома, сделав это прибыльным вузовским бизнесом и позволив вузам хоть частично компенсировать почти полное отсутствие госфинансирования в 1990-е годы. Страна наводнилась дипломами, полученными за 500 (!) часов обучения вместо 5 тысяч.

Затем пошла вторая волна спроса на устранение *skills mismatch*: те, кто заканчивал классические и технические вузы, получив дипломы, почти сразу начинали «добывать» себе второй диплом по другой специальности – вновь по «Экономике», «Менеджменту» и т.д. Возникла устойчивая массовая иллюзия высокой вероятности жизненного успеха

именно с ними.

Затем программы вторых дипломов дополнились программами *MBA* для людей с опытом работы. Для этого открылось около ста бизнес-школ. Созданная ими Ассоциация бизнес-образования пыталась контролировать качество, но вскоре отступила. Сегодня не более десяти таких школ отвечают средним европейским стандартам (последние же не отвечают средним американским стандартам).

В 1997 г. была создана Президентская программа подготовки предпринимательских кадров, которая почему-то жива до сих пор. Естественно за нее взялись технические вузы, наделив тем же имитационным качеством.

Наконец, нулевые годы – это время половодья вузовских программ государственного и муниципального управления (теперь уже по схеме 4+2) и возрождение огромной сети ВПШ в обличье ускоренного ГМУ и с пафосным титулом Российской академии госслужбы (РАГС). И то, и другое (за редчайшим исключением) – сплошная профанация образования. РАГС – это буквально «фабрика дипломов», хотя и там встречаются качественные профессора. Не удивительно, что крупный бизнес вынужден был начать программы корпоративного образования. Пока рано говорить о его качестве.

Таким образом, состояние образования для взрослых можно оценить даже ниже, чем обычное ВПО. Отсюда и долгосрочные задачи в этой сфере:

- Реформа программ второго диплома (бакалавриат) с достаточным числом учебной нагрузки (не менее 1500 контактных часов), ВКР (выпускная квалификационная работа), практикой (если студент работает по иной специальности) и т.д. Мониторинг и санация всех программ, непрофильных для данного вуза.
- Постоянный государственный мониторинг программ *MBA* и их аналогов. Все бизнес-школы должны стать членами международных ассоциаций и в обязательном порядке подвергаться соответствующим процедурам оценки.
- Направление ВПО ГМУ нужно вернуть к статусу профиля в направлении «Менеджмент» (т.е. лишить права «сами знаем, как учить, и сами себя оцениваем»), стандарт этого профиля переработать, опираясь на опыт программ *Public Administration* (особенно французской Национальной школы администрирования), ввести постоянный мониторинг качества с привлечением зарубежной профессуры.
- Всю систему образовательных услуг РАГС следует поставить под академический контроль учебно-методических объединений университетов, а сам контроль должен осуществляться лучшими экспертами.
- Корпоративное образование должно предоставлять получившим его только те права, которые действуют в корпорации или в ассоциации корпораций.

Заключение

В последние годы российское общество и экономика демонстрируют неспособность успешно ответить на одновременные вызовы: с одной стороны, устранение глубоких пороков прошлых систем и, с другой, создание механизмов выхода на высшие позиции в глобальном конкурентном соревновании. Никакая риторика и изобретение самоуспокаивающих проектов и программ уже не способны скрыть тенденции ухода России из лидирующей группы государств и постепенного погружения в массу стран, не присутствующих на глобальной авансцене.

Причина – состояние населения России и его Культуры. Масштабное обновление за 20 лет инвестиционных фондов не улучшило положения с производительностью труда. Отставание возросло. Традиционные отрасли производства почти исчезли, без борьбы освободив место для нарастающих потоков импорта. ВПК сжался до размера нескольких средних корпораций США или даже Германии. Научные исследования сопоставимы по своим масштабам с аналогичными работами в странах третьей или четвертой десятки, а их результаты уже почти неразличимы в мировых лабиринтах научных достижений. Элитарная молодежь предпочитает исход. Доля неконкурентного населения в составе российской рабочей силы увеличивается. Коррупция и остальные известные всему миру отечественные пороки рождаются внутри этой доминирующей массы. Они присущи ей в целом. Поэтому борьба с ними результатов не дает. И не даст.

Выход из тупика один – воспитание новых поколений с иными свойствами, ценностными установками. Выход не просто из кризиса, а из состояния антропологической трагедии. При этом россияне – в целом весьма талантливый народ. Общество должно решиться на переплавку. «Плавильный котел» – образовательная система. Именно она воспроизводит или формирует заново Культуру, то есть совокупность программ поведения, взаимосвязей, взаимодействий общества, его ценностной матрицы. Обязательным императивом становится формирование нового человека, носителя и творца иной Культуры. В ней должны быть воссозданы утраченные черты тысячелетнего прошлого – патриотизм, социальная солидарность, милосердие. Ее неперемennые элементы – гражданственность, трудолюбие, идеал честности и долга, покаяния и равного отношения к ближнему, ценность человеческой жизни. Необходимо изжить накопленный негативный «багаж» – лодырничанье, пьянство, снисходительность к криминалу (воровской идеал). Главное – восстановление уважения к собственности. Не той, что «напилили» или «выпросили», а той, что создается, сберегается, преумножается своим трудом и трудом потомков. (О проблеме собственности, права см. соответствующую главу Стратегии).

Стратегическая цель – преобразование постсоветской России в мощное духовно продвинутое многоэтническое государство-цивилизацию, скрепленное русской культурой, языком и историей.

Возрождение гуманитарного и социального образования (т.е. образования о человеке и обществе) невозможно без возрождения гуманитарных наук. В советские времена они подвергались жесткой идеологической цензуре, выживали, не будучи востребован-

ными. Сегодня, обретя интеллектуальную свободу, науки о человеке «гнездятся» в основном лишь в двух столицах, слабы в провинции, а их «продукты» по-прежнему не востребованы. Между тем гуманитарное образование и знание – содержимое «плавильного котла» для современного человека, конкурентного в глобальном мире. Гуманитарное и социальное образование – главный источник возвращения интеллигенции, способной создать новый ценностный консенсус российского общества.

Всё, предлагаемое выше, успешно реализуется на микроуровне, в отдельных школах (даже тысячах школ), вузах, и может служить образцом для распространения. Но оно не случится само по себе, без ведущей роли государства. В полуархаичном российском обществе по-прежнему сильна идея персонифицированной власти («царя»), поэтому не обойтись без активной роли первого лица. Но она дает исторический шанс повторить за 10–20 лет рывок Петра I – дать необратимый импульс перевоплощению России.

Национальное образование во всем развитом мире признается ключевым фактором сохранения государства – социального (формирование гражданственности населения) и экономического (обучение трудового потенциала). Но в этой сфере также хранится и развивается культура – то, что создает политическую устойчивость общества, отсутствие прогрессирующей энтропии. Именно продвинутая культура хранит идеал национального согласия – ось устойчивого и созидательного политического сознания.

В долгосрочной стратегии России решающими не станут ни экономические, ни даже институциональные (о которых много говорят российские либералы и западные эксперты) проекты. Таковыми сегодня обречены быть два проекта: 1) человеческий (воспитание нового гражданина-патриота) и 2) культурный. «Фабрикой» обоих этих проектов является, прежде всего, образовательная система России. Направление «главного удара» – провинция России. Её дальнейшее демографическое и интеллектуальное опустошение критически опасно для судеб нашей страны (о регионализации России смотри соответствующую главу). Временной горизонт – поколение.